

© 2011 г.

Р.Х. СИМОНЯН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЕЕ ИСТОКИ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

2 января 1992 г. правительством Е.Т. Гайдара были отпущены розничные цены на товары массового спроса. С этой даты начинается отсчет российских экономических преобразований. В декабре 2007 г., выступая на заседании Президиума Российской академии наук, посвященном 15-летию экономических реформ, академик Л.И. Абалкин решил прервать общий критический тон выступающих, но сделал это в почти эпатажной форме. “Нельзя же, уважаемые коллеги, видеть только плохое, – сказал он, – у российских реформ есть и достижения. Посмотрите вокруг – почти каждый москвич имеет сегодня мобильный телефон. Разве это не положительный результат?”. Этот пример поверг присутствующих в глубокое недоумение. Действительно, в 1991 г., до начала реформ сотовых телефонов у россиян не было (их и не могло быть, они появились в России несколько лет спустя). За 15 лет Россия обогатилась многими техническими новшествами, в том числе и сотовыми телефонами. Что совсем неудивительно, так как Россия, как и все остальные страны, пользуется достижениями мирового научно-технического прогресса. Сарказм Л.И. Абалкина был направлен на тех, кто стремится представить все положительное в нынешней России как результат экономических реформ.

Действительно, по сравнению с советским прошлым сегодня преодолена изоляция страны от внешнего мира, уничтожена цензура, отвергнута идеология уравнительности, раскрепощена частная инициатива, ликвидирована административно-командная система с неизбежным возникновением в обществе естественных рыночных регуляторов. В этом смысле россиянам жить стало лучше. Но все это начало осуществляться еще до гайдаровских реформ.

Что же касается экономических преобразований в начале 1990-х годов в России, то невозможно представить переход в рыночную экономику без таких обязательных, родовых ее элементов, как коммерческие банки, товарные и фондовые биржи, свободный валютный обмен, развитие рынка ценных бумаг и т.п. независимо от того, кому было поручено это осуществлять. В создании форм рыночной инфраструктуры российские реформаторы реализовали общеизвестную экономическую аксиоматику, сделали то, чего нельзя было не сделать, что было продиктовано не чьей-то персональной идеей, а заданной процедурой. Во всех постсоциалистических странах был проведен демонтаж планово-распределительной экономики, в каждой из этих стран были преодолены свои специфические трудности и восстановлены рыночные регуляторы. Товарный дефицит исчез во всех государствах “социалистического лагеря”, отказавшихся от планово-распределительной экономики. И в этом смысле жизнь во всех этих странах также стала лучше. Но только в России обязательные атрибуты рыночного

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

хозяйства преподносятся в виде “заслуг” реформаторов. Существует общая логика событий, а иногда даже и просто обычная типовая, рутинная процедура выполнения конкретной задачи. Но точно так же существуют и политики, которые стараются поставить нормальное подчинение этой логике себе в заслугу. Да, жизнь стала другой, чем она была в 1991 г. Сегодня – это сотовые телефоны, ноутбуки, мониторы на жидких кристаллах, цифровые фотоаппараты, скайпы, Wi-Fi, широкополосные компьютеры, электронные планшетики, смартфоны, а завтра какое-нибудь еще новое техническое новшество, которое если не сами реформаторы, то их почитатели (неважно, прямо или косвенно) будут выдавать за следствие реформ 1990-х годов. Кроме того, в общественном сознании всегда присутствует обезоруживающая логическая фигура – “после, следовательно, поэтому”. А сотовые телефоны появились после гайдаровских реформ, следовательно, поэтому.

Именно этот сюжет был артикулирован Л.И. Абалкиным в Президиуме РАН. Услышав про мобильные телефоны, каждый сидящий в зале не мог не удивиться: а при чем тут Гайдар? Именно на эту реакцию и рассчитывал докладчик. Его пример к тому же представляется особенно удачным, так как наличие сотовых телефонов в современном мире вовсе не является показателем материального благополучия. Жители Каира или Найроби оснащены этой техникой ничуть не меньше, чем жители Москвы или Санкт-Петербурга. Так же, как и не является показателем материальной состоятельности обладание подержанным иностранным автомобилем.

Возникшая, и ставшая доминирующей в народном хозяйстве, частная собственность и, высвобожденная из жестких тоталитарных оков, частная инициатива во всех постсоциалистических странах Европы послужила мощным импульсом для социально-экономического развития этих стран. А каковы здесь наши успехи? Сегодня, в канун 20-летия российских экономических реформ стоит проанализировать их результаты.

ОБЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ

“Стержнем экономических реформ, проведенных правительством Гайдара, – пишет академик Т.И. Заславская, – была приватизация, позволившая новой российской номенклатуре практически бесплатно присвоить основную и наиболее перспективную часть государственной собственности”¹. Далее она отмечает, что “кланы, овладевшие государственной собственностью, потеряли интерес к дальнейшим реформам. Начавшаяся либерализации экономики была спущена на тормозах, развитие мелкого и среднего бизнеса замерло на одной отметке, прекратились шаги в сторону демократизации политической сферы”². Практически бесплатная раздача государственной собственности – катастрофический итог реформ. Этот факт настолько разрушителен и очевиден, что его вынуждены осуждать даже самые последовательные защитники гайдаровских реформ. “По моему глубокому убеждению, денежная фаза приватизации в значительной степени провалилась, – так высказался недавно проф. Е.Г. Ясин. – Мы могли бы получить за государственную собственность гораздо больше денег”³.

Американские экономисты П. Реддуэй и Д. Глински в своей книге “Трагедия российских реформ” приводят данные статистики: “В период Второй мировой войны валовой внутренний продукт в СССР сократился на 24%, в период Великой депрессии в США ВВП сократился на 30,5%, в России с 1992 по 1998 г. ВВП в России сократился на 47%, а промышленное производство уменьшилось на 58%”⁴. Акцент реформаторов

¹ Заславская Т.И. Избранные произведения, в 3-х т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007, с. 270.

² Там же, с. 270–271.

³ Московский комсомолец, 25.1.2010.

⁴ Reddaway P., Ginski D. The Tragedy of Russia Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, 2001, p. 249.

на финансовые аферы, где можно было сделать быстрые деньги, привели к разрушению реального сектора экономики. “Падение выпуска продукции в России уже квалифицируется в учебниках экономики, – констатируют директор института исследований Европы и России Карлтонского университета (Оттава) П. Дуткевич и профессор Российской экономической школы В. Попов, – как самый крупный в истории человечества рукотворный экономический кризис, сфабрикованный творцами экономической политики”⁵.

В канун 15-летия реформации академик Н.Я. Петраков писал, что “в подавляющем большинстве случаев новые хозяева эффективность частной собственности не доказали. Реформы в России не только не приблизили, но и еще дальше отодвинули ее от среднего мирового стандарта – отбросили с 20 – 30-х на 70 – 80-е места по уровню и качеству жизни. Они просто захватили природные ресурсы и вместо государственной монополии мы получили частную. Производительность труда во всех приватизированных отраслях упала в 2 – 3 раза. Объемы производства до сих пор не превысили показатели советских времен. Ни модернизации, ни внедрения новой техники, ни использования передовых достижений науки – ничего этого, как правило, нет”⁶. Обещанной структурной реорганизации промышленности не произошло. Наоборот, технологическое отставание увеличилось. “Можно ли было предполагать тогда, в начале 1990-х годов, – пишет член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг, – что после 15-летнего реформирования экономика страны не только не выйдет на качественно новый уровень по критерию диверсификации производства и доле товаров с высокой добавленной стоимостью, но, наоборот, окажется еще более примитивной, чем в позднесоветские времена”⁷. Российские реформы привели к тому, что даже страны “третьего мира” начали ее обходить. Россия превратилась в сырьевой придаток уже не только Запада, но и Востока. Вывоз сырья, а не развитие и модернизация промышленного производства – экономический результат реформ.

Запущенная в 1990-х годах экономическая модель определяет динамику товарной структуры экспорта, при которой постоянно уменьшается удельный вес продукции с высокой добавленной стоимостью. Доля минерального сырья в общем объеме экспорта в 1995 г. составляла 44,1%, в 1999 г. – 44,4%⁸, в 2001 г. – 54,7%, в 2002 г. – 58,8%⁹, в 2007 г. – 63,3%, а в 2008 г. – 67,8%. Доля машин и оборудования упала за это время с 10,4% в 1995 г. до 5,1% в 2007 г.¹⁰ и до 4,7% в 2010 г.¹¹ В том же году в Китае, которому Советский Союз в 1950 – 1960-е годы помогал создавать современную индустрию, доля готовой продукции в экспорте составила 92%¹². В 2008 г. экспорт из России достиг огромной суммы в 469 млрд. долл., увеличившись почти в 5 раз с 2000 г. Углеводороды, руда, концентраты, лесоматериалы, морепродукты и другая природоёмкая продукция составила более 90% всего экспорта.

Сырьевая зависимость нынешней России все чаще подчеркивается в наших СМИ как некая фатальная неизбежность. После реформ 1990-х годов в это можно уже и поверить. Но мировая практика свидетельствует об иных вариантах для государств, богатых природными ресурсами. В работе Дж. Робинсона, Р. Торвика и Т. Вердые показано, что странам, где не было присвоения национальных богатств случайной группой лиц, сырьевая зависимость не грозит. Наиболее наглядные примеры этого демонс-

⁵ Дуткевич П., Попов В. Худшее, может быть, уже позади? – Современная Европа, 2004, № 4, с. 43.

⁶ Комсомольская правда, 21.XI.2006.

⁷ Гринберг Р. Место и шансы России в мировой экономике. – Проблемы теории и практики управления, 2006, № 5, с. 41.

⁸ Российский статистический ежегодник, 2000. М., 2001, с. 582.

⁹ Российский статистический ежегодник, 2002. М., 2003, с. 614.

¹⁰ Товарная структура экспорта РФ (в фактически действующих ценах). Сайт Государственной Федеральной службы государственной статистики. Раздел Россия в цифрах.

¹¹ Ведомости, 24.I.2011.

¹² Храмчихин А. Вызов “Поднебесной”. – Свободная мысль, 2007, № 12, с. 66.

трируют Норвегия с ее нефтью, Австралия с ее золотом, Чили с ее медью, Финляндия с ее лесными богатствами¹³.

В 1992 г., приступая к экономическим реформам, Россия как все постсоциалистические страны должна была решить центральную проблему – модернизацию промышленности. Собственно, для того и начаты были экономические реформы. Но никакой модернизации не произошло. В результате реформ производство было свернуто, а экономика превратилась в примитивную продажу природных богатств.

В настоящее время в России на долю инновационных изделий приходится менее 3,0% общего объема выпускаемой продукции, в 12–15 раз меньше, чем в развитых странах. Объем российских высоких технологий (high tech) уступает американскому в 90–120 раз, а его доля в отечественном ВВП составляет от 0,6 до 1%¹⁴. Удельный вес России в мировой торговле технологиями и наукоемкими товарами не превышает 0,2%, а всей продукцией машиностроения 0,5%. По размерам экспорта высокотехнологических изделий Россия в 2008 г. уступала США в 41 раз, КНР – в 13 раз, Южной Корее – в 15 раз. В 1980-е годы в России производилось ежегодно в среднем по 130 – 140 гражданских самолетов, а в 2000-е – не более 5–7¹⁵. Если в 1991 г. наши самолеты составляли около 40% мирового парка гражданской авиации, то на начало 2009 г. менее 2%. И три четверти из них составляют старые самолеты с повышенным удельным расходом топлива¹⁶.

Не произошло никакой модернизации даже в сырьевых отраслях. Для тех, кому принадлежит российская экономика, нет необходимости создавать у себя новые технологии и новые производства, проще купить за рубежом. В пореформенном экономическом обиходе утвердилось понятие “легкие деньги” – доходы от продажи природных ресурсов. Зачем идти на риск, на какие-то дополнительные заботы новым собственникам, когда они и так не знают, куда девать эти “легкие деньги”, то ли купить очередную виллу на французской Ривьере, то ли заказать новую яхту, то ли приобрести английский футбольный клуб. Какой может быть инвестиционный риск? Да и вообще, зачем вкладывать деньги в российскую экономику? Это не только опасно, но и хлопотно. Поэтому не произошло никакой модернизации даже в сырьевых отраслях.

Для того чтобы из нефти получать высокооктановый бензин, который можно экспортировать за рубеж и иметь гораздо большую прибыль, чем, продавая сырую нефть, необходимы определенные усилия – создавать соответствующие производства, готовить кадры, организовывать труд, осуществлять контроль, словом, управлять, т.е. иметь, как теперь говорят, “лишнюю головную боль”. То же и с необработанной древесиной – продают пиловочник, кругляк, да и просто делянку, т.е. лес на гектары. Таким образом, из производственного процесса исключается даже самая минимальная добавленная стоимость, происходит продажа сырья в самом, что ни на есть чистом, первозданном виде. Следует при этом подчеркнуть, что российская внешняя торговля во многом осуществляется через оффшоры, где цены экспорта, как правило, занижаются, а импорта завышаются. Для этого был очень удобен указ Президента РФ № 213 от 25 ноября 1991 г. “О либерализации внешнеэкономической деятельности”, который фактически легализовал подобную практику внешней торговли, так как разрешал ее осуществлять без специальной регистрации. Этот указ, открывший дорогу к хаосу и беспределу в нашей внешней торговле, законодательно оформил для всех желающих вывоз из страны награбленных ценностей, не вызвал, за исключением двух – трех специализированных изданий¹⁷, никакого отклика в российских СМИ.

¹³ Robinson J., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse. – Journal of Development Economics, 2006, v. 79, p. 447–468.

¹⁴ Российская газета, 4.IX.2007.

¹⁵ Экономика и жизнь, 2007, № 30, с.4.

¹⁶ Партнер, 2009, № 2, с. 54.

¹⁷ См., например, Внешняя торговля, 1992, № 2, с. 7.

Производства нет, потому что проще всего купить все необходимое, продавая энергоносители и сырье. Из России вывозится более 90% алюминия, меди, олова, 2/3 цинка. После экономических реформ Россия перестала себя кормить, одевать и обувать. Из-за рубежа поступает половина реализуемого через торговую сеть продовольствия, 80% промтоваров, 75% медицинских препаратов.

Строительство – один из наиболее прибыльных видов бизнеса в современной России. В РСФСР в 1989 г. было построено жилья общей площадью 74 млн. кв. м., а в 2010 г. в России – только 58 млн. кв. м. Но есть еще более впечатляющий результат: к началу 2009 г., т.е. за 17 лет с начала реформ в России построено 184 км новых автомобильных дорог. В Китае за тот же период их построено свыше 190 тыс. км, из которых 56 тыс. современные автобаны (“хайвэй”). В отличие от Китая в России пока, к сожалению, ничего подобного нет.

И бывшие высокопоставленные чиновники вынуждены признать, что реформы 1990-х годов привели страну в тяжелое положение. Так, А.Я. Лившиц, занимавший в 1996 – 1997 гг. пост вице-премьера РФ в 2005 г. заявил, что “рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времен Маркоса или Индонезии времен Сукарно. Фактически Борис Ельцин роздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаем себе отчета, что живем в социалистической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они еще пока сами ничего не построили. Свой товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают – по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это все досталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим”¹⁸. Подобное признание сделал и заместитель главы Администрации Президента РФ В.Ю. Сурков: “Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами”¹⁹.

Почти 10 лет Россия прожила в условиях необычайно благоприятной мировой конъюнктуры цен. В темпах роста ВВП в 1999 – 2008 гг. трудно усмотреть заслугу реформаторов – на две трети это следствие мировых цен на сырье и энергоресурсы, а на одну треть – результат адаптации российских предпринимателей, в первую очередь, представителей малого бизнеса к новым условиям, точнее, к условиям существования в агрессивной среде. Помимо “непотопляемого” малого предпринимательства это и быстро растущее качество менеджмента российских компаний, и возросшая агрессивность отечественного бизнеса в конкурентной борьбе с импортом за платежеспособный спрос, и другие естественные процессы саморегуляции любой общественной системы.

Адаптация к изменениям в окружающей среде – природное качество людей. Что же касается российского народа, то он имеет беспрецедентный исторический опыт приспособливаться к любым, даже самым неблагоприятным условиям для выживания. Достаточно вспомнить миллионы тех, у кого в процессе коллективизации отбирали хозяйство, а самих хозяев выслали, и которые на новом месте снова строили и производили. А часто и на новом месте вновь отбирали, но они снова и снова строили и производили. В СССР были не только “дважды”, но и “трижды раскулаченные”. История нашей страны 30–40-х и 50-х годов изобилует подобными примерами “жизни вопреки”. Таков генотип значительной части русского этноса. Эта неистребимая природная энергия, свойственная нашему народу заставляет вспомнить Л.Н. Толстого с его знаменитым описанием весны в романе “Воскресение”: “Как ни старались люди... изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни

¹⁸ Московский комсомолец, 8.VI.2005.

¹⁹ Мир и политика, 2009, № 12, с. 30.

дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц – весна была весной даже и в городе”²⁰.

Точно так же к концу 1990-х годов население нашло свои формы выживания в системе, однозначно настроенной на формировании и поддержке крупного собственника и всячески подавляющей мелкого и среднего предпринимателя. Появились и набрали ход внутренние механизмы регулирования новой социально-экономической системы. Как в СССР, постоянно происходила низовая стихийная самоорганизация, и, следовательно, естественное производство и распределение, точно так и сегодня значительную часть внутреннего валового продукта (ВВП) составляют результаты той самой внутренней саморегуляции. Малый и средний бизнес испытывает на себе чудовищный пресс бюрократии, но, тем не менее, налоги в бюджет от него поступают в несопоставимо более полном объеме, чем от российских олигархов.

Внешний фактор экономического роста также никак не был связан с эффективностью реформ. Он был обусловлен сложившейся необычайно благоприятной для России конъюнктурой цен на мировом рынке (5 июля 2008 г. цена одного барреля нефти достигла 144 долл.).

Первая мировая война 1914–1918 гг. и гражданская война 1919–1921 гг. привели Россию в состояние полной экономической разрухи, огромная страна лежала в руинах. Но последующие за этим 1920-е годы были годами эффективных экономических реформ. К 1926 г. СССР по промышленному и сельскохозяйственному производству превысил уровень 1913 г. А уже в 1928 г., т.е. через 7 лет после окончания гражданской войны, страна в большинстве макроэкономических показателей, в том числе и по величине ВВП, превзошла довоенный уровень. В Советской России тогда за короткий срок был создан целый ряд новых отраслей промышленности.

Великая Отечественная война, принесяшая нашему государству огромные разрушения, закончилась в 1945 г., а уже в 1954 г., т.е. спустя всего 9 лет Советский Союз полностью восстановил экономику. При всех пороках советской власти послевоенный период характеризовался эффективным управлением. В 1957 г. наша страна запустила первый в мире спутник земли, а в 1961 г. впервые человек полетел в космос, т.е. за полтора десятилетия после окончания войны мир стал свидетелем нашего гигантского технологического прорыва.

В январе 2008 г. Росстат сообщил, что Россия в величине ВВП достигла дореформенного уровня. Это практически совпало с пиком мировой цены на нефть. В 1990-х годах в России не было ни Великой Отечественной, ни гражданской войны, ни Первой мировой войны. Тем не менее, стране потребовалось более 15 лет, чтобы по объему внутреннего валового продукта вернуться к дореформенному уровню. По многим другим не менее важным показателям социально-экономического развития, и, прежде всего, по реальным доходам населения, потреблению, этот уровень и через 15 лет далеко не был достигнут.

А как был достигнут дореформенный уровень ВВП? С 1999 г. мировые цены на энергоносители стали резко повышаться. Благоприятная для России конъюнктура продолжалась почти 10 лет, вплоть до начала финансового кризиса осенью 2008 г. И при этом потребовалось 15 лет. Здесь следует подчеркнуть, что скорости общественной жизни в 1990-х годах по сравнению с 1940-ми, и тем более с 1920-ми годами качественно разнятся. Время неумолимо сжимается, мир развивается все более стремительными темпами. Медленное течение времени прошлых времен приходится сравнивать с бешеной скоростью современной жизни, что делает контраст еще более разительным.

Поток “нефтяных долларов” не принес России успехов в модернизации страны, потому что созданная реформаторами экономическая модель блокирует технический прогресс. В России в 1999–2008 гг. был рост ВВП, но не было экономического развития.

Реформы 1990-х годов привели к резкому упадку сельского хозяйства. Сокращение посевных площадей, забой крупного рогатого скота – если в период коллективизации

²⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч., в 12 т. Т. 11, М., 1975, с. 7.

Россия потеряла 16,1 млн. голов, то от реформ 1992–1996 гг. – 19,8 млн. голов, т.е. поголовье за период реформации сократилось вдвое²¹ – привели к тому, что потребности населения России в продуктах питания удовлетворяются теперь, в основном, за счет импорта. Анализируя нынешний кризис в сельском хозяйстве, директор научно-исследовательского института ВАСХНИЛ проф. В. Десятов приводит такие цифры: “США вкладывают в развитие 1 гектара пашни 327 долл., другие развитые страны по 400–500 долл., а Россия всего лишь 9–10 долл. При таком отношении сельское хозяйство не может развиваться. Поэтому 40 млн. гектаров пашни в нынешней России заросли сорняками, кустарниками, в то время как на Западе каждый метр берегут”²².

Прибыль от природной ренты “распикивается по карманам”²³, а на обновление основных фондов производства денег нет, и отсюда стремительный рост техногенных катастроф. Называя пореформенную Россию обществом повышенных и всеобщих рисков, проф. О.Н. Яницкий подчеркивает, что “близится грань, за которой производство рисков начинает превосходить производство продуктов, управление превращается в тушение пожаров, в деятельность по ликвидации аварий и катастроф”²⁴. Недавняя авария на крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС – самая масштабная техногенная катастрофа в России за последние 25 лет – подтверждает этот мрачный прогноз.

Весной 2008 г. проф. Е.Г. Ясин на вопрос ведущей передачу “1990-е: время надежд” радиостанции “Эхо Москвы”: “Какие технические достижения в российской экономике можно отнести к заслугам реформаторов?” рассказал о некоем очень эффективном предприятии, которое он недавно посетил, и руководители которого просили их не рекламировать, и поэтому называть его он не будет. Это предприятие, продолжал Ясин, оснащено самым современным японским оборудованием, которое... *успешно освоили наши работники* (выделено мной. – Р.С.). А осенью 1991 г., когда правительство России возглавили молодые, образованные и энергичные реформаторы во главе с Е.Т. Гайдаром, граждане новой России полагали, что через 17 лет наша страна будет производить технику, которую будут успешно осваивать японцы.

Если даже громкие декларации по поводу необходимости создания наукоёмких производств, усилившиеся в начале 2009 г. в связи с резким падением цен на нефть, приведут не только к увеличению на эту тему различных программ и проектов, но и к каким-то точечным воплощениям, то на общую тенденцию это не повлияет. По замечанию Б.Ю. Кагарлицкого, если даже вдруг начнется быстрое развитие в отдельных отраслях, будут построены несколько современных предприятий, это само по себе не сможет компенсировать накопившейся общей отсталости²⁵.

Созданная в 1990-х годах экономическая модель направлена на извлечение и распределение сырьевой ренты, а не на развитие народного хозяйства и технический прогресс. Происшедшая в 1990-х годах в стране деиндустриализация обладает слишком большой инерцией, а деградация машиностроения обрекает все усилия по созданию курса на технологические инновации на провал. Необходимо подчеркнуть, что с каждым годом возможности диверсификации промышленности России сокращаются, ибо в глобализованном мире разделение труда и уровень специализации отдельных стран и регионов быстро возрастает. Взяв на себя функцию сырьевого и энергетического обслуживания стран, осуществивших технологическую модернизацию, Россия после 1990-х годов быстро утрачивает перспективы занять место в их ряду. Сферы мирового производства практически уже поделены.

²¹ Общая газета, 13.XI.1997.

²² Россия, 2009, № 15, с.7.

²³ «Не национализировать же назад то, что, наконец-то, стало “своим”, не вываливать же опять в общую кучу то, – писал Е.Т. Гайдар, – что успели расписать по карманам». – *Гайдар Е. Государство и эволюция*. М., 1995. с. 193.

²⁴ Яницкий О.Н. Социология рисков. М., 2008, с. 34.

²⁵ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004, с. 381.

ПРИВАТИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Приватизация 1992–1995 гг. создала в России новых собственников и новые отношения собственности. А именно эти отношения в системе общественных отношений являются базовыми. Отношения собственности определяют не только уровень экономического развития, но социальную структуру общества, его гражданско-правовую систему, организацию управления, оказывают решающее влияние на ценностные ориентации и установки, на общую морально-психологическую атмосферу в стране.

“Предполагалось, что молодые демократы наведут в России порядок, разработают соответствующую правовую систему и дадут зеленый свет рыночной экономике, – пишет автор документальной книги о реформах в России П.Ю. Хлебников. – Вместо этого они возглавили режим, который оказался одним из самых коррумпированных в истории человечества”²⁶. Причины возникновения на месте СССР экономически неэффективного, коррумпированного государства будоражит умы наших соседей по Восточной Европе. В том, что именно приватизация является основным фактором появления этого, сходятся большинство обществоведов. Вот, например, как это объясняет директор Института социологии Венгерской академии наук П. Тамаш: “В отличие от постсоциалистических стран в России новый порядок сложился не в результате слома государства, а в результате именно специфической приватизации. Система, которая всегда окружала и защищала государство, была полностью отключена. Бросили клич “хватать все подряд”. Почему бы этим не воспользоваться офицеру милиции? Почему бы этим не воспользоваться офицеру в военкомате или чиновнику, дающему разрешение на экспорт нефти?”²⁷. В “специфической” приватизации – главное отличие экономических преобразований в России от постсоциалистических государств Европы.

После распада СССР новый вектор общественных изменений в нашей стране был задан российскими реформаторами в 1992–1995 гг. и тогда же сформирована сплоченная корпорация, реализующая это направление. А уже к концу 1999 г. окончательно сложился новый политэкономический механизм. Это признают сами лидеры правой оппозиции. «Капитализм, с большими элементами госкапитализма, огромной концентрацией собственности в очень немногих руках, появился именно в девяностых и благополучно дожил до наших дней, – пишет в “Известиях” один из ее лидеров В. Рыжков. – Фридман, Потанин, Абрамович, Дерипаска, Вексельберг, Алекперов – эти люди по-прежнему остаются. В тех же девяностых обозначилась и подчиненная роль парламента и судов в России»²⁸. То, что мы имеем в социально-экономической сфере сегодня, создавалось в 1990-е годы. Поэтому попытки возложить ответственность за результаты реформ на нынешнее руководство России методологически наивны, а исторически абсурдны. Сейчас общество пожинает плоды, посеянные и возвращенные реформаторами 1990-х годов. Созданная в тот период модель обладает значительной устойчивостью. Она состоит из трех элементов, точнее трех рент: природной ренты (неистощимые природные ресурсы), административной ренты (коррупция), социальной ренты (обеспечение общественной стабильности) Т.е., модель, сконструированная реформаторами, соединила бюрократию и богатство, поэтому бюрократия неизменно и последовательно увеличивает свой политический и экономический потенциал. На это явление обратил внимание еще Г. Маркузе, который подчеркивал, что “конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным использованием неизбежно ведет к усилению власти государственного аппарата над населением”²⁹.

²⁶ Хлебников П.Ю. Крестный отец Кремля Борис Березовский или история разграбления России. М., 2001., с. 14.

²⁷ Тамаш П. Постперестройка. – Мир перемен, 2005, № 4, с. 30.

²⁸ Известия, 7.11.2011.

²⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994, с. 45 – 46.

Беспрецедентные манипуляции массовым сознанием и подтасовки результатов голосования, осуществленные правящей номенклатурой на президентских выборах 1996 г., круто изменили вектор политического развития страны. России не дали возможность исправить перегибы монетаристов, как это произошло во всех постсоциалистических странах Восточной Европы, когда партии левого политического спектра пришли на смену первым крайним либеральным. Парламентские выборы в Польше, Чехии, Венгрии, Словакии и других постсоциалистических странах, проведенные в 1994–1995-х годах, т.е. после первых итогов экономических реформ это убедительно показали. Именно благодаря голосам тех, кто “не был готов к кардинальным социальным переменам”, победу одержали партии левого политического спектра (бывшие коммунистические, а также социалистические, социал-демократические), что позволило этим государствам сбалансировать экономику, ослабить социальное напряжение, учесть интересы не сумевших адаптироваться к свободному рынку слоям населения. Приход во власть левых и левоцентристских политиков во многих постсоциалистических странах в середине 1990-х годов избавил экономические реформы от чрезмерной либерализации, от монетаристских излишеств, что оказалось очень полезным и для самой экономики, и для гражданского мира, и общей политической атмосферы в этих странах.

Именно такую роль должны были сыграть в России президентские выборы 1996 г., если бы правящей верхушкой не было совершено уже упомянутое манипулирование общественным сознанием. Для получения одобрения своих реформ со стороны Запада, реформаторы стремились представить российский народ как некую регрессивную силу, будто бы только и жаждущую восстановления коммунистической власти. Они как-то сразу забыли о недавних многомиллионных митингах советских людей, в результате чего и произошло падение той самой власти. А.Б. Чубайс – главный организатор президентских выборов 1996 г. – тогда объяснил необходимость грязных выборных технологий тем, что российскому народу нельзя доверять выборы, так как они обязательно выберут коммунистов. Поэтому не следует обвинять В.В. Путина в том, что он “разрушил демократию”, отменив честные, свободные выборы. Уничтожение выборов как важнейшего, в сущности, основного инструмента демократии в России произошло в 1996 г., т.е. за четыре года до прихода В.В. Путина.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИТОГИ

Российские реформаторы выбрали именно тот вариант реформ, который заведомо обеспечил новой номенклатуре обладание всей государственной собственностью, а большинство населения обрек на бедность и нищету. Сегодня, даже по официальным данным, в России свыше 26 млн. человек (каждый пятый или шестой) находятся ниже уровня бедности³⁰. Летом 2006 г. сотрудниками Института социологии РАН под руководством директора института члена-корреспондента РАН М.К. Горшкова совместно с “Горбачев-фондом”, по общероссийской репрезентативной выборке, было проведено многоплановое исследование социального неравенства. Его результаты показали, что более трети населения России живет за порогом или на грани бедности, а 7% находятся в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты. Еще 14% бедных фактически также прочно “застряли” в этом состоянии. Кроме того, 17% населения пребывает в состоянии постоянного риска бедности, хотя пока им удается удерживаться “на плаву”, балансируя на грани бедности и малообеспеченности, и численность этой “группы риска” возрастает³¹. Эта негативная тенденция фиксируется социологами на фоне происходящего в последние 10 лет уменьшения во всех регионах мира численности

³⁰ *Фроловская Т.* Бедных стало больше. Число россиян с доходами ниже прожиточного минимума выросло на треть. – РБК daily, 29.VIII.2009.

³¹ Социальные неравенства и социальная политика в современной России. М., 2008, с. 178 – 179.

бедных³². За годы реформ, подчеркивает проф. А.И. Вдовин, реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход – в 2 раза³³.

Директор Всероссийского центра уровня жизни В. Бобков отмечая, что официальный прожиточный минимум, учитываемый статистикой при определении числа бедных явно занижен, приводит не менее обескураживающие данные: в 2006 г. треть населения России составляли бедные, еще одну треть – низко- и среднеобеспеченные. И только около 10% – состоятельные и богатые³⁴. Спустя год в интервью “Российской газете” он определяет количество бедных в России в 50 млн. человек, т.е. 42% населения³⁵. Еще одну впечатляющую цифру дает российский Сити-банк: в стране насчитывается примерно 1,2 млн. людей, которые активно ищут способы сохранения своих сбережений³⁶. И при этом 72,6% населения, по данным Росстата, вообще не имеет сбережений³⁷.

В 1990 г. железнодорожный транспорт России перевез 3098 млн. человек, а в 2002 г. всего 1241 млн. человек, гражданская авиация России в 1990 г. – 97 млн. человек, в 2002 г. – 25 млн. человек; морской транспорт в 1990 г. – 16 млн. человек, в 2002 г. – 0,6 млн. человек³⁸. Рост железнодорожных и авиационных тарифов значительно опережает рост заработной платы. Россияне перестают ездить по территории своего государства, навещать родственников и знакомых. Это не только разрыв важнейших социальных связей, это реальная опасность дезинтеграции страны. В условиях самой большой в мире территории государству удержать его единство без коммуникационного обмена в принципе невозможно.

Нищенская оплата труда существует в сфере таких массовых профессий как здравоохранение и образование, не говоря уже о науке и культуре. О крайне тяжелом материальном положении 37 млн. российских пенсионеров (средняя пенсия составляет сегодня около 180 евро) говорят и руководители страны. Розничные цены на предметы первой необходимости непрерывно повышаются, рост цен на продукты питания намного опережает рост заработной платы, поэтому количество бедных увеличивается. “На протяжении всех 18 лет баланс денежных доходов и расходов населения, – отмечает руководитель Центра финансовых исследований Института экономики РАН проф. В.К. Сенчагов, – сводится за счет повышения потребительских цен и увеличения импорта при отсутствии производства и рынка отечественных товаров”³⁹.

Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика. Главным критерием определения уровня бедности выступает прожиточный минимум, установленный на базе минимальной потребительской корзины. “Ни структура, ни в еще большей степени сама величина прожиточного минимума не соответствуют стоимости набора средств, необходимых для осуществления воспроизводственной и социальной функций доходов, – подчеркивают ведущие научные сотрудники Института экономики РАН Е.Е. Шестакова и Т.В. Соколова, – Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстает не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. К тому же прожиточный минимум фактически вырван из контекста реальных распределительных отношений в обществе и не регулирует уровня соответствия фактических доходов и выплат на практике. Официальные

³² Гринберг Р.С. Парадоксы глобализации и Россия. М., 2007, с. 9.

³³ Вдовин А.И. Россия после августа 1991 года: проблемы и подходы к изучению истории. – Мир и политика, 2009, № 12, с. 24.

³⁴ Российская газета, 22.VII.2006.

³⁵ Российская газета, 9.II.2007.

³⁶ Эта цифра была приведена в интервью “Эху Москвы” одного из руководителей Сити-банка 21 мая 2009 г.

³⁷ Труд, 11.II.2008.

³⁸ Занин В.П. Жестокая экономика России. Как выжить российскому бизнесу и населению России. М., 2009, с. 78.

³⁹ Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М., 2010, с. 34.

наборы норм продовольственных и непродовольственных товаров, включенные в прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения”⁴⁰. По данным Левада-центра, в России прожиточный минимум население оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,3% населения едва сводят концы с концами и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду⁴¹.

В стране по-прежнему сохраняется резкая поляризация личных доходов, которая возникла в 1990-х годах. На ее усиление направлено и распределение доходов: и тот, кто получает миллион долл. в месяц, и тот, кто 200 долл. в месяц, платят одинаковый налог – 13%. Отмечаемый с 2000 г. официальной статистикой 10%-й рост реальных доходов россиян в основном касается небедных социальных слоев. Так, с апреля 2002 г. по апрель 2003 г. в группе богатых граждан рост среднемесячной прибавки составил 3300 руб., а в группе бедных – всего 116 руб.⁴² Эту тенденцию подтверждают и более поздние исследования. По расчетам, проведенным в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2007 г., на каждые 100 рублей прироста ВВП в расчете на душу населения у бедных доход увеличивается на 5 рублей, а у богатых на 200 рублей⁴³. Т.е. экономическая модель, созданная в начале 1990-х годов, усиливает социальное расслоение. К этому можно добавить, что в 1999 г. в России было 7 официальных миллиардеров, а в 2008 г. их стало 102.

Российские нувориши вышли на лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах и самых богатых курортах, по престижным приобретениям на международных аукционах. Так, доля россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12%⁴⁴. Опросы ВЦИОМ свидетельствуют, что большинство россиян или стыдятся того, что Россия занимает второе место в мире по количеству миллиардеров, или испытывают растерянность перед этим феноменом (гордятся только 7%)⁴⁵.

Реформы привели к качественному сдвигу структуры потребления, что отмечено многими экономистами. Так, член-корреспондент РАН проф. Н.М. Римашевская считает, что “в результате “шоковой терапии” проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи, падения уровня экономического развития и, вследствие этого – жизненного уровня населения в целом. Бедной становится страна в целом”⁴⁶. К такому же выводу относительно оценки социальных результатов реформ приходят и другие ведущие экономисты. «В РФ возникла уникальная категория “новых бедных”, – считает академик С.Ю. Глазьев, – те группы работающего населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными»⁴⁷.

Особенно тяжелое положение у российских пенсионеров. В 2008 г. Е.Т. Гайдар и А.Б. Чубайс опубликовали книгу, в которой выразили сожаление, что в России не была создана национальная система социального страхования, куда бы поступали отчисления от добычи нефти и газа, как, например, сделано в Норвегии – страны, также зависящей от конъюнктуры на рынке углеводородов. “Доходы от размещения средств

⁴⁰ Шестакова Е., Соколова Т. Бедность и неравенство в постсоциалистических государствах. – Мир перемен, 2008, № 1, с. 99.

⁴¹ Седов Л. Кошелек и взгляды на жизнь. – Независимая газета, 11.07.2008.

⁴² Роиц В.Д. Основы социального страхования. М., 2004, с. 104.

⁴³ Российская газета, 28.XI.2007.

⁴⁴ Европа, 2010, № 4, с. 107.

⁴⁵ Согрин В.В. Противоречивые итоги. – Общественные науки и современность, 2010, № 2, с. 78.

⁴⁶ Римашевская Н.М. Человек и реформы. Секреты выживания. М., 2003, с. 123.

⁴⁷ Куда идет Россия. Белая книга реформ. Составители: С. Кара-Мурза, С. Батчиков, С. Глазьев. М., 2008, с. 107.

фонда, – писали они, – создают базу, необходимую и достаточную для устойчивости пенсионной системы страны”⁴⁸. Но в книге нельзя найти объяснений, почему хотя бы в виде проекта эта разумная идея не была заложена в экономической системе, которую они создавали в 1990-х годах⁴⁹.

В качестве успехов реформ приводится рост заработной платы. Она действительно растет, но объем этих успехов значительно завышен. Это можно проиллюстрировать примером. По данным Росстата, в 2006 г. среднемесячная заработная плата в среднем по стране составила 10 728 руб., что соответствовало ее приросту по сравнению с 2005 г. на 13,3%. Инфляция по тем же данным Росстата в 2006 г. составила 9,5%. При этом заработная плата работников органов исполнительной власти – федеральной, субъектов РФ и местного самоуправления – возросла по сравнению с 2005 г. соответственно на 24,7%, 28,8% и 26,3%. Т.е. высокие заработки чиновников росли в два раза быстрее, чем средний заработок по стране, но не заработки учителей, врачей, работников науки и других бюджетников, которые намного недотягивают до среднего⁵⁰, что означает только одно – указанный Росстатом прирост заработной платы значительной части населения России практически полностью был “съеден” инфляцией. Но при этом существует и еще один важный социальный итог реформ. Российские нувориши стали усиленно приобретать недвижимость в Англии, Франции, ФРГ, Испании и в других европейских странах, покупать футбольные и баскетбольные клубы, яхты, дорогие автомобили, за баснословные гонорары приглашать звезд мировой эстрады на свои дни рождения. Вызывающая роскошь и расточительность их поражают не только граждан нашей страны, но и жителей европейских стран, привыкших к умеренным тратам и экономии денежных средств⁵¹. Именно этот и другие подобные результаты реформ, как показывают социологические исследования, формируют их оценку в массовом сознании россиян. “Таким образом, социальные итоги реформ, – считает академик Т.И. Заславская – оказались во многом противоположными декларируемыми и поддерживаемым обществом целям, что объективно ставит под вопрос их легитимность”⁵².

Характерно, что в отличие от начала 1990-х годов, когда реформаторы старались подавать в СМИ предстоящую приватизацию как способ равного доступа всех россиян к государственной собственности, сегодня, когда “распиханному по карманам” уже ничего не угрожает, они более откровенны. Теперь их тезис иной: да, равных условий не было, но зато собственность получили “самые способные”. 12 июня 2007 г. в передаче по радиостанции “Эхо Москвы” Е.Г. Ясин. так разъяснил итоги приватизации: “Даже хорошо, что самых способных оказалось немного, ибо большое количество собственников является препятствием к эффективному управлению экономикой”. Шумные декларации начала 1990-х о многочисленных акционерах, которые должны появиться в результате реформ, прочно забыты.

В мае 2008 года – а это период наивысшего притока нефтедолларов в государственный бюджет – ВЦИОМ провел репрезентативный опрос взрослого населения России. Оказалось, что 38% опрошенных предпочитали, чтобы их дети уехали из России на постоянное место жительства в другие страны⁵³. Разумеется, это вовсе не утрата патриотизма нашим народом. Это оценка россиян проведенным реформам.

⁴⁸ Гайдар Е., Чубайс А. Экономические записки. М., 2008, с. 25 – 26.

⁴⁹ Когда началась добыча нефти в норвежских шельфах, то было принято решение о создании государственного фонда будущих поколений, формируемого из прибыли по продаже нефти. Сегодня этот фонд превышает 300 млрд. норвежских крон, что составляет примерно 30 млрд. евро при численности населения Норвегии – 4,5 млн. человек.

⁵⁰ Россия в цифрах, М., 2007. с. 58.

⁵¹ При этом следует подчеркнуть, что нынешние российские миллиардеры в отличие от западных, как, например, Б. Гейтс, создавший Microsoft, ничего не создали.

⁵² Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России..., с. 271.

⁵³ Аргументы и факты, 2008, № 21, с. 7.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Обращение к данным о динамике численности населения России позволяет сделать вывод, что в 1990-е годы в ходе реформ происходила демографическая катастрофа. Она еще не завершена. С 1 января 2005 г. по 1 января 2006 г. население РФ уменьшилось на 721 тыс. человек. Всего за период 1992 – 2006 гг. естественная убыль населения составила 11,488 млн. чел. Наибольшая убыль – 949 тыс. человек – имела место в 2000 г. Разумеется, есть общемировые процессы, но их роль намеренно преувеличивается. В российских СМИ, происходящие в России демографические процессы постоянно отождествляются со снижением рождаемости в западных странах. В одних государствах Европы (Ирландия, Франция, Швеции, Финляндии) рождаемость возрастает, в других (Германия, Греция) снижается (так же как и в России, – в отдельных республиках, например, на Северном Кавказе, в Туве, в Алтайской республике, в некоторых районах Поволжья идет прирост), что дает повод реформаторам депопуляцию населения России объяснять общеевропейскими тенденциями. Но в Европе дети (до 16 лет) составляют 25% населения, а в России – 18%⁵⁴. Да и вообще проведение подобных аналогий некорректно: на Западе не наблюдается ни повышение смертности, ни сокращение продолжительности жизни. В нынешней России – смертность самая высокая в Европе, а продолжительность жизни – самая низкая.

Таковыми же ложными являются утверждения, будто вымирание населения в России началось давно, еще в 1970-е годы, а нынешние демографические проблемы являются отражением процессов 1940-х и последующих годов. Но в течение 25 лет – с 1966 по 1990 г. показатель естественного прироста населения РСФСР обнаруживал исключительную устойчивость и никакого демографического слома не предвещал. Нынешний демографический слом – прямое следствие реформ. Причем он является следствием реформ как целого, т.е. следствием смены типа жизнеустройства, а не краткосрочного потрясения на ее первой стадии⁵⁵. В стране произошло резкое сокращение продолжительности жизни. По этому показателю Россия занимает сегодня 134-е место в мировом списке, включающем 178 государств. Позади нас практически только Африка.

В Государственном докладе “О состоянии здоровья населения РФ в 1999 г.”, представленном Минздравом РФ и РАМН⁵⁶, указаны главные причины демографической катастрофы, прямо связанные с реформами: “Долговременное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения в сочетании с воздействием хронически высокого уровня стресса, снижения качества жизни в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины, недоступности эффективных средств лечения для подавляющей части населения, криминализации общества и рост преступности”. В докладе подчеркивается, что на здоровье детей и подростков реформы сказались еще губительнее: от социального бедствия их организм и психика страдают сильнее, чем у взрослых. В докладе отмечено: “Ухудшающееся состояние здоровья детей обуславливает нарастание инвалидизации в этой группе населения. В 1995 г. уровень детской инвалидности составил 116,3 на 10 тыс. детей в возрасте до 16 лет, в 2005 г. – 209, 1. В дореформенном 1990 г. в РСФСР на 10 тыс. детей было 38,5 инвалида, т.е. за 16 лет произошел более чем пятикратный рост детской инвалидности”. При населении в 143 миллиона человек в России сегодня 13,8 млн. инвалидов, т.е. практически каждый десятый россиянин. В 1990 г. в РФ на учете состояло около 50 тыс. наркоманов, сегодня на учете, по данным НИИ наркологии Минздрава РФ, свыше 600 тыс., и большинство из них – подростки. Социологи дают другие цифры – от 2,5 до 4 млн., ссылаясь на латентный характер этого явления. Здесь

⁵⁴ Аргументы и факты, 2009, № 15, с. 8.

⁵⁵ Куда идет Россия..., с. 18.

⁵⁶ Государственный доклад “О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.” Министерства здравоохранения РФ и Российской академии медицинских наук. М., 2000.

не следует говорить о некоей общемировой тенденции. То, что произошло с потреблением наркотиков за последние 19 лет в нынешней России – это мощный статистический взрыв. “Россия переживает сейчас третью после гражданской и Великой Отечественной войн волну беспризорности, – утверждал в 2005 г. глава МВД РФ Р.Г. Нургалиев. – По самым приблизительным подсчетам, в стране более 800 тыс. детей-сирот, 2 млн. неграмотных подростков, более 6 млн. детей находятся в социально неблагоприятных условиях, около 4 млн. подростков регулярно употребляют наркотики”⁵⁷. Социологические исследования фиксируют рост этих неблагоприятных тенденций⁵⁸.

На ухудшение здоровья детей в РФ повлияло то, что экономические реформы подорвали и частично разрушили созданную в 1970-х годах в РСФСР систему производства и распределения специальных продуктов питания для детей раннего возраста, в то время как сократилось грудное вскармливание. Отечественные предприятия по производству детского питания были приватизированы, и эти продукты как малорентабельные, сняты с производства. В 1990-е годы произошло резкое ухудшение питания в школах.

Из-за низкой оплаты квалифицированные врачи уходят из государственных медицинских учреждений в частные, обслуживание в которых недоступно подавляющему большинству населения. Многочасовые очереди в районных поликлиниках при снижающемся качестве врачебной помощи привело к тому, что люди в России перестают, по существу, заботиться о собственном здоровье, перестают лечиться. Существовавшая до начала 1990-х годов практика диспансерного обследования населения СССР, и, прежде всего, ежегодное флюорографическое наблюдение, давно забыта. Тенденция снижения качества медицинского обслуживания населения особенно наглядно проявляется в сельской местности. Это показывает даже общее число медицинских учреждений. До начала реформ в них располагалась почти половина амбулаторно-поликлинических учреждений РФ – в 1990 г. их было 21 701. В 1995 г. оставалось уже только 9217, а в 2005 г. – 7495. Состояние и техническое оснащение медицинских учреждений в районных центрах России за годы реформ отстало от современного уровня на десятки лет.

Сильный удар реформы нанесли по отечественной медицинской и фармацевтической промышленности. Многие производства прекратили существование, выпуск даже самых необходимых лекарств сократился во много раз. Отечественные лекарственные препараты, полностью обеспечивавшие потребности страны с 1970-х годов, при достаточно высоком качестве и низких ценах, заменены на импортные зарубежные препараты, недоступные для большинства населения из-за высокой стоимости, которая растет темпами, значительно опережающими рост цен потребительской корзины. С началом реформ возникло и широко распространилось такое явление как поддельные лекарства. По данным экспертов, до 30% реализуемых через аптечную сеть лекарств, таковыми не являются⁵⁹.

В середине 1990-х годов в страну вернулись многие болезни, с которыми было покончено в советское время, и, прежде всего, инфекционные (например, туберкулез), так как фактически перестала функционировать созданная в советское время эффективная система его профилактики, диагностики и лечения. Произошел резкий скачок других инфекционных заболеваний, в том числе гепатита “С”, взрыв которого произошел в 1994 г. и охватил, в основном молодых людей. В середине 1990-х годов зафиксировано интенсивное вовлечение в эпидемический процесс школьников 11–14 лет. Тогда же произошел резкий скачок венерических заболеваний. В особенности это коснулось детей. В середине 1990-х годов в стране возникло новое массовое социальное явление – детская проституция.

⁵⁷ Российская газета 12.IX.2005.

⁵⁸ Данилова З.А. Девиантное поведение в молодежной среде, Новосибирск, 2009; Социальные риски подрастающего поколения, М., 2010.

⁵⁹ Аргументы и факты, 2003, № 16, с. 14.

«Осуществленная в 1992–1994 гг. так называемая “шоковая терапия” с наибольшей силой ударила по здоровью населения, резко увеличив его смертность, – констатирует известный российский демограф проф. Л.Л. Рыбаковский. – Число умерших в стране в 1994 г. превысило уровень 1991 г. на 670 тыс. человек. Наиболее наглядно суть реформ эпохи Ельцина – Гайдара характеризует динамика суицидов. Число самоубийств в 1994 г. по сравнению с 1991 г. возросло на 59,7%, в том числе у мужчин на 66,4%, а у сельских мужчин – даже на 73,6%»⁶⁰. Знаменитый кардиолог академик Е.И. Чазов пишет: «В “лихие 1990-е” я не раз предупреждал власти о грядущем всплеске смертности “от сердца” после шоковой терапии. В том числе из-за истощения жизненных сил народа. Не вняли! Такого огромного количества людей мы не теряли со времен войны»⁶¹.

Защитники реформ 1990-х годов, объясняя их демографические итоги, постоянно обращаются к глобальным тенденциям. Но все отмеченные выше явления – прямой результат реформ. Ведь за 15 лет биологическая природа человека измениться не может, а на территории Российской Федерации за это время не произошло никаких крупных экологических или техногенных катастроф, которые могли бы столь кардинально повлиять на здоровье нации.

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЕ ИТОГИ

Советское партийное руководство понимало значение интеллектуальной составляющей социально-экономического развития страны. И престиж науки и высшей школы, и социальный статус учёного и преподавателя в Советском Союзе были достаточно высокими.

Реформаторы деформировали базовую ценностную модель россиян. Процесс криминализации общества привел к снижению статуса умственной деятельности, ценность знания уступила место ценности социальной агрессии, неразборчивости в средствах достижения цели и грубой физической силы. Среди героев дня современной России не нужно искать созидателей и производителей. Свет социальных юпитеров высвечивает иные ориентиры. Это банкиры, менеджеры, дилеры, биржевые маклеры, риэлтеры, дизайнеры, визажисты, имиджмейкеры, политехнологи, торговцы зарубежным ширпотребом, и, разумеется, государственные чиновники – наивысший рейтинг! “В результате реформ 1990-х годов, – пишет кинорежиссёр С. Соловьев, – целые пласты нации, прежде всего молодежи, превращены в духовно опустошенных и совершенно равнодушных к собственной стране, ее прошлому и будущему”⁶².

В 1990-х годах в обществе возникло словосочетание “новые русские”, объединяющее и тех, и других: физически крепкий, малообразованный, напористый, лишенный моральных запретов материально состоятельный типаж. Характеризуя упадок культуры, начавшийся в 1990-х годах, кинорежиссер Э.А. Рязанов писал: “Раньше мы были самой читающей страной мира, а сейчас самой ворующей”⁶³. Реформаторы создали ситуацию, при которой общество перестало высоко оценивать умственные усилия, воцарился культ грубой силы. “Реформы 1990-х годов буквально выкосили настоящих специалистов из многих отраслей, – пишет экономический обозреватель еженедельника “Трибуна” М. Морозов. – На смену профессионалам пришли дилетанты. Были разрушены научные и профессиональные школы... Ассоциации обманутых дольщиков, одуроченных вкладчиков, искалеченных пациентов объединяют огромное число людей, пострадавших не только от жульничества, а и от повального

⁶⁰ Рыбаковский Л.Л. Демография (статьи XXI века). – Демографическое развитие России в конце XX – начале XXI веков. М., 2009, с. 169–170.

⁶¹ Аргументы и факты, 2008, № 18, с. 3.

⁶² Аргументы и факты, 2004, № 34, с. 7.

⁶³ Там же, с. 6.

непрофессионализма”⁶⁴. Резкое снижение профессионального уровня произошло и в рабочей среде. За пореформенный период в стране была практически разрушена система профессионально-технического образования. В 1990 г. в России из общей численности рабочих высококвалифицированных было 38%, а в 2007 г. всего лишь 5% (для сравнения: в передовых странах не менее 40%, в США – 47%)⁶⁵.

Отмеченный многими исследователями, процесс духовной деградации общества, начавшийся в 1990-х годах, вызывает растущую тревогу среди российской культурной элиты. Но в широком контексте возникшей проблемы деинтеллектуализации стоит выделить наиболее конкретный и одновременно наиболее важный для страны аспект: агрессия масс-культурных ценностей является характерной для нынешнего телевидения. Еще более опасной государственной политикой является неконтролируемый рост высших учебных заведений, и как следствие, резкое снижение качества образования. В условиях всеобщей коррупции получение государственной лицензии на открытие высшего учебного заведения, и даже университета не является сколько-нибудь сложной проблемой.

Цели собственного интеллектуального совершенствования вообще не присутствуют в первой десятке основных жизненных целей молодых россиян⁶⁶. Невежество в отдельных сегментах общества откровенно и навязчиво демонстрируется, оно становится способом самоутверждения не только в молодежной среде, но и в части политического истеблишмента, а нарушение литературных норм русского языка – предметом бравады у представителей многих социальных групп. Ненормативная лексика перестала быть не только уголовно наказуемым деянием, но превратилась в форму повседневного общения уже среди учеников начальных школ. В пореформенной России образование стали относить к сфере услуг. Платное (неважно официально или с помощью взяток) образование рождает естественную реакцию: “я плачу, вы мне даете”. Поэтому получение высшего образования все более заменяется получением дипломов. Неудивительно, что сегодня высшее образование, полученное в России, перестало быть ценностью. По данным общероссийского опроса, проведенного в мае 2008 г. ВЦИОМ, 67% опрошенных хотели бы, чтобы их дети учились не в России, а за границей⁶⁷.

Произошедшее в результате реформ падение ценности умственного труда привело к резкому снижению общественного статуса интеллигенции. Как критерий занятия должности в структурах управления интеллект становится все менее важным. На это обращают внимание многие социологи. Е.И. Афанасьева пишет о “вырождении вертикально-интегрированной системы управления”, о “беспрецедентном непрофессионализме подавляющего большинства государственных чиновников”, о том, “что в настоящее время, средний интеллектуальный уровень бюрократии значительно ниже среднего уровня обычных граждан”⁶⁸.

В 1990-х годах возникли многочисленные профессиональные группы, где интеллектуальная компонента только мешает. Так, сегодня каждая организация – предприятия, фирмы, банки, вузы, школы, детские дошкольные учреждения, гостиницы, театры, кинотеатры, магазины, аптеки, обменные пункты, почтовые отделения, домоуправления, даже самые мелкие конторы, т.е. все, что имеет какое-то помещение с входной дверью, обязательно охраняется. Сменно работающие охранники в силу специфики своего труда не имеют возможности чем-то себя занять, не могут даже бегло просмотреть газету. Армия охранников и телохранителей насчитывает более полутора миллионов россиян в возрасте от 25 до 45 лет – это мощный созидательный ресурс

⁶⁴ Трибуна, 2009, № 21, с. 3.

⁶⁵ Труд, 17.III.2008.

⁶⁶ *Иноземцев В.* О невозможности модернизации России. – Российская модернизация: размышляя о самобытности. Сб. статей, М., 2008, с. 159.

⁶⁷ Аргументы и факты, 2008, № 21, с. 14.

⁶⁸ *Афанасьева Е.И.* Государство или революция. М., 2005, с. 52.

нации, род нынешних занятий которого приводит к его интеллектуальной деградации. Логика проведенных реформ неумолима: возникшие в результате реформ многочисленные преступные группировки потребовали появления столь же многочисленных частных охранных заведений.

Производство наукоемкой продукции в канун 1990-х годов обеспечивалось в мировых экономических сетях 45–50 макротехнологиями. Советская Россия обладала 18 из них, в том числе ядерными, космическими, авиационными, нефтегазовыми технологиями, а также технологиями в области вооружений, энергетического, химического, транспортного машиностроения. К счастью, наследство советской техносферы пока еще позволяет сохранять приоритеты в части перечисленных отраслей промышленности⁶⁹. В 1970 – 1980-х годах Советский Союз тратил на науку до 3,5% от ВВП. В пореформенной России на фундаментальную, прикладную и внедренческую науку идет от 0,5 до 0,7% ВВП. Известный российский физик, эксперт Нобелевского комитета академик В.Е. Накоряков утверждает, что “при таком финансировании отечественная наука не может обеспечить конкурентоспособность не только с США, но даже с Португалией. Подобное отношение к науке в корне противоречит национальным интересам России”⁷⁰. Заместитель директора Института прикладной математики им. Келдыша РАН профессор Г.Г. Малинецкий считает, что «в результате реформ произошло целенаправленное “опускание” высшей и средней школы России, и осуществлена криминализация общественного сознания. Эти процессы являются факторами политики, а не “отдельными недостатками”»⁷¹. По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) Россия в 1992 г. занимала 28 место в мире и входила в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. В 2000 г. – она опустилась на 57-е место и перешла в группу стран со средним уровнем развития, в 2005 г. – у России было уже 65-е место, что приблизило ее к странам с низким уровнем развития, несмотря на завидный рост ВВП (7% в 2005 г.). “В начале 1990-х годов Россия по уровню своего развития еще могла претендовать на членство в клубе постиндустриальных стран, – считают главные научные сотрудники Института мировой экономики и международных отношений РАН С.И. Лунёв и Г.К. Широков. – Однако один из основных ударов пришелся именно по высокотехнологичному производству и научному потенциалу”⁷².

Россия в советское время располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, которые выдвигали ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Из этих городов десятки тысяч высококлассных специалистов вынуждены были в 1990-х годах эмигрировать на Запад, потому что инновационный кадровый потенциал не был задействован в строительстве новой России. В создаваемую экономическую модель он не вписывался. Более того, именно этот интеллектуальный слой испытал наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. В России поколение выпускников высшей школы 1990-х годов, по существу, оказалось не просто потерянным, а во многом загубленным поколением.

Если системе образования реформы нанесли огромный урон, то еще больший был причинен науке. Были разрушены многие научные школы. Ни одна страна, считает

⁶⁹ Российские эксперты считают, что политика, направленная на развитие науки, дала бы России сегодня возможность присутствовать на 12–15% мирового рынка наукоемкой продукции, что приносило бы ей 120–140 млрд. долл. в год. См., например: *Косов Ю., Фокина В.* Политическая регионалистика, СПб, 2009, с. 138.

⁷⁰ Новая газета, 3.VIII.2009.

⁷¹ Малинецкий Г. Россия. Выбор будущего. – Болезни России: диагноз и прогноз. М., 2009, с. 19.

⁷² Лунёв С., Широков Г. Складывание новой мировой системы и Россия. – Pro et Contra, 2003, т. 7, № 4, с. 38.

Г. Малинецкий, не имела такой математической школы, как Советский Союз, но за постсоветские годы мы утратили свое лидирующее положение⁷³. В 1990-х годах, по существу, была объявлена науке война, в результате которой интеллектуальная элита понесла огромные потери. От нее российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться. Большинство ее представителей было выброшено на обочину социальной жизни. На вещевых рынках больших и малых городов России в 1990-е годы можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий, и других высокообразованных профессионалов. Разумеется, не все уехали за границу, большинство сменило профессию, ушли туда, где можно было что-то заработать, чтобы содержать свои семьи. Всего, по данным директора фонда “Русский мир” В. Никонова, в странах Евросоюза в настоящее время количество проживающих русских достигло 10 млн⁷⁴. Спустя год–два после начала реформ, когда для наиболее просвещенной части россиян стал ясен их исход, страну стали покидать тысячи специалистов с высшим образованием. В основном, это были представители лучшей, наиболее талантливой и энергичной части нации. Механизм, запущенный в начале 1990-х годов набирает ход. “В стране обостряется противоречие между еще пока хорошим образованием и все более примитивной экономикой, – подчеркивает Р.С. Гринберг. – Целый ряд российских вузов в последние годы готовит кадры фактически на экспорт. Государство теряет человеческий капитал в лице дипломированных специалистов, не нашедших работу по специальности в России, и наращивающих теперь научный и технический потенциал других стран”⁷⁵.

В США, Канаде, Германии и других странах сегодня продуктивно работают выпускники Бауманского университета, Физтеха, МИФИ, МИРЕА, МГУ, Новосибирского университета, РХТУ, Ленинградского и Уральского политехнических, других ведущих вузов страны. К примеру, Норвегия забирает почти всех окончивших 5 курсов Санкт-Петербургского Военно-механического института и трудоустраивает их с заработной платой в 3–4 тыс. евро⁷⁶. Российские физики, химики, математики, биологи, инженеры, лингвисты, программисты и представители многих других профессий вносят значительный вклад в успехи западной модернизации. В развитых странах знают, что заполучить советского, или теперь уже российского специалиста, значит обеспечить успех фирмы. В последние годы наши ученые сами стали осваивать сферу наукоемкого бизнеса. В настоящее время только в Силиконовой долине около 400 различных инновационных компаний создано российскими специалистами, которых в Калифорнии уже свыше 50 тыс. К этой “утечке идей и мозгов” следует добавить и те тысячи ученых, которые работают на зарубежные фирмы, оставаясь на родине.

Отрицательные последствия этого ясны и для руководящих кругов страны. С целью исправления сложившегося положения в Сколково, под Москвой, создается Инновационный центр, аналогичный Силиконовой долине, который по мысли инициаторов через три-четыре года должен стать крупнейшим в России испытательным полигоном новой экономической политики, центром российской научно-технической модернизации.

Деградация научно-производственного капитала, отраженная в резком падении доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре нынешнего российского производства весьма вероятно и дальше будет продолжаться. К сожалению, сегодня у руководителей страны очень мало средств, чтобы остановить начавшийся в 1990-х годах процесс. Невозможность найти применение своим знаниям и творческому потенциалу российской интеллектуальной элите – одно из самых тяжелых последствий реформ 1990-х годов. Высококвалифицированные профессионалы не должны быть невостребованными – ведь это золотой запас нации. В связи с этим вспоминается

⁷³ Малинецкий Г. Россия..., с. 65.

⁷⁴ Никонов В. Кто же такие русские? – Этнодиалоги, 2009, № 1(30), с. 95.

⁷⁵ Гринберг Р. Среди рисков и шансов. М., 2008, с. 13.

⁷⁶ Занин В.П. Жестокая экономика России, с. 66.

послевоенная Германия с разрушенными заводами. Немецкие рабочие и инженеры восстанавливали их за шесть–семь месяцев. Трижды оборудование уже работающих цехов вывозилось в СССР, но всякий раз, через несколько месяцев, предприятия вновь начинали работать и выпускать лучшую продукцию. Этот пример иллюстрирует необходимое условие выживаемости экономической сферы общества: пока еще есть люди, обладающие техническими знаниями и инженерным мышлением, экономика может быть восстановлена.

Так было в Германии в 1945–1948 гг. Но в России в 1992–1995 гг. был запущен экономический механизм, основанный на вывозе двух капиталов – мозгов и углеводородов, между которыми существует прямая корреляция: чем больше мы вывозим энергоресурсов, тем меньше нам нужны мозги.

Накануне реформ в общественном сознании россиян доминировало убеждение, что советским людям как представителям мира социализма легче переходить к рынку, чем, например, странам Латинской Америки, тоже авторитарным. Ведь у советских людей, несмотря на все нелепости административно-командной системы, уже удалось создать некоторые основы жизни человека, позволяющие менее болезненно перейти к совершенно новому типу организации хозяйственной жизни. Но именно эти основы – социальное обеспечение, здравоохранение, образование, наука и культура – стали первыми жертвами проводившихся реформ.

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИТОГИ

В работе американских экспертов-славистов “Россия в новом столетии: Стабильность или беспорядок?” Дж. Бреслауэр, выражая точку зрения многих западных экспертов, отмечает, что “социально-экономическая политика, проводившаяся в России в 90-е годы обострила и усугубила негативные черты наследия прошлого”⁷⁷. Но если так, то почему страна сумела избежать масштабных социальных потрясений?

Авторы книги дают этому парадоксу следующие объяснения. Во-первых, население выживает за счет теневой экономики, которая и спасает людей от голода и крайней нужды, а правящую верхушку – от постоянной угрозы тяжелейших социальных потрясений. Во-вторых, жизненные силы и психологический тонус значительной части населения подорваны настолько, что оно не только не способно ни на какое сопротивление (кроме единичных спонтанных акций), но и, смирившись заранее с любым развитием событий. В-третьих, высокая готовность конструктивно участвовать в социальных преобразованиях, которая была у многих в конце 1980 – начале 1990-х годов, после первых двух–трех лет реформ сменилась массовой ностальгией по советским временам. В-четвертых, процесс социально-экономических перемен разрушил основы коллективной солидарности, не породив новых. Общество атомизировалось, рабочее место в значительной мере утратило общественный статус и оказалось вытесненным домашним хозяйством. Нынешние россияне активны лишь в обустройстве собственной жизни, жизни своей семьи. Люди не видят для себя возможность контролировать или как-то влиять на ситуацию за пределами узкого жизненного пространства. Сегодня, самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями. В этом некорректно винить сегодняшних первых лиц государства. Эта ломка идентитета – эффект событий 1990-х годов. Самоопределение “мы – это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела” доминирует в нынешнем российском обществе. Экономические реформы породили массовое социальное безразличие россиян, общество атомизировалось. “В нынешнем российском обществе нет согласия относительно базовых ценностей и целей, – пишет проф. О.Н. Яницкий. – Его характерными чертами являются всеобщий дефицит доверия, выживания одних за счет других и всех – за счет природных запасов и богатства, создан-

⁷⁷ *Breslauer G.W. Personalism Versus Proceduralism: Boris Yeltsin and the Institutional Fragility of the Russian System. Russian in the New Century Stability or Disorder? New York, 2005, p. 53.*

ного трудом предшествующих поколений. Сама среда жизни все более превращается в производителя и распространителя рисков. Разделение населения России на сверхбогатое меньшинство и обнищавшее большинство – рискогенно само по себе”⁷⁸.

К этому следовало бы добавить то обстоятельство, что в памяти народа долго еще будет сохраняться горькое осознание того, чем закончился его порыв в 1989 – 1991 гг. к общественным переменам. Растерянность общества, возникшая от реформ, утрата каких-либо форм социальной солидарности, социальное разобщение, социальное разочарование, которое постоянно усиливается – это один из основных социально-психологических итогов трансформации российского общества в 1990-х годов.

* * *

Нынешняя всеобщая коррупция – это сигнал о глубоком моральном неблагополучии в государстве. Сигнал о неэффективности экономики, системы общественных отношений, всей системы управления в нем. Повальная коррупция, возникшая в 1990-х годах, поражает, прежде всего, нервные центры общественного организма, она неизбежно ведет к массовому неисполнению чиновниками своих обязанностей и, соответственно, к параличу государственного управления, признаки которого в нынешней России все более явственно проявляются. Еще один итог реформ – это то, что коррупция стала органическим элементом государственного устройства и одним из основных показателей деморализации общества. По данным Transparency International по уровню коррупции Россия занимала в 1996 г. 47-е место из 54-х, в 1999 г. – 82-е место из 99, в 2000 г. – 83-е из 90, в 2001 г. поделила с Пакистаном и Эквадором 80 – 82-е из 90, входя в группу так называемых “чрезвычайно коррумпированных стран”⁷⁹. А в 2008 г. Россия занимала уже 147-е место из 170, находясь на одном уровне с Кот д’Ивуар, Танзанией и Зимбабве.

В массовом сознании 1990-е годы являются периодом, когда в России был совершен коррупционный прорыв, и не был совершен прорыв модернизационный. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации производства, не мог не привести к определенной ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешенные проблемы и комплексы ущемленности, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность “вхождения в Европу”, продемонстрированная постсоветским периодом, создала ложное самопредставление этноса о роковой его неспособности к модернизации, вечном отставании. Если 1920-е и 1950-е годы дали населению страны увидеть реальный технический прорыв и показали способность нации к нему, то 1990-е годы показали и доказали обратное. Поразившее общество нынешнее неверие в способность страны к модернизации – это еще одна травма, нанесенная реформами 1990-х годов. Среди думающей части общества усиливаются настроения безысходности, исторической предопределенности наших неудач, которые рефлексируются с “русской спецификой”, “особым путем” и т.п.

Осуществленный российскими реформаторами резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения России еще одним, пожалуй, наиболее тяжелым нравственно-психологическим потрясением, источником, как личных трагедий, так и различного рода общественных патологий. Фактическое государственное разрешение на отмену моральных ограничений – это цивилизационный упадок. «Современное российское общество – это больное общество, – пишет в “Российской газете” В. Кичин, – и все наши усилия по подъему экономики, боевого духа растерянной армии и патриотических настроений в обществе будут

⁷⁸ Яницкий О. Россия как общество всеобщего риска. – Социологические исследования, 2002, № 7, с. 34.

⁷⁹ Экономика и жизнь, 2001, № 27, с. 32.

абсолютно бессильными, пока мы не поймем и не начнем лечить главную причину недуга – всеобщее падение морали»⁸⁰.

На общественное настроение, возникшее после реформ 1990-х годов, оказали решающее влияние не материальные потери, как бы они не были велики, а обман. Социальный пессимизм и апатия, господствующие в нынешней России, своим источником обязаны не столько ограблению населения, сколько этому осквернению души. Для сознания русского человека духовно-нравственная ценность традиционно более значимая категория, чем ценность материальная. Ограбление со временем может забыться, но публичное унижение – иная категория, она остается в памяти народа. Это – глубокий шрам, который постоянно напоминает о себе.

Российские реформаторы, настойчиво подчеркивая, что их не интересуют источники получения собственности, тем самым отменили моральные ограничения. В любом обществе всегда существуют люди, которые и с готовностью воспринимают идеологию, которая извиняет, а тем более освобождает от ответственности. Обращение к низменным инстинктам может захватить значительную часть даже вполне высокочивилизованного народа. Реформаторы понизили порог чувствительности общества к социальной патологии. Выдвинутый в 1990-х годах лозунг “обогащение любой ценой” привел к формированию у части российского населения психологической готовности к преступлению. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уголовные сообщества начали расти как грибы. Уже к середине 1990-х годов некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые банки и корпорации. В январе 1995 г. на территории России действовали более 15 тыс. криминальных групп (в 1990 г. их было менее 50)⁸¹. Уже в самом начале своего президентства В.В. Путин, выступая на коллегии Генпрокуратуры, констатировал, что “значительная часть российской экономики находится под контролем организованных преступных группировок”⁸². Процесс, запущенный в 1990-х набирал ход.

Криминалитет захватил промышленные предприятия и фирмы практически во всех регионах России. По данным министра внутренних дел Р.Г. Нургалиева, к 2006 г. преступные группировки контролировали такие важные отрасли, как топливная, металлургическая, лесная, рыбная, фармацевтическая⁸³. МВД РФ сообщает, что за 16 лет с 1992 по 2007 г. в России было осуждено 15,8 млн. человек, в 2,9 раза больше, чем за предшествующие 16 лет – с 1976 по 1991 г.⁸⁴ По показателю количества убийств нынешняя Россия в 3,8 раза превосходит США, и в 19,6 раз Европу. Этот взрыв преступности, как и за падение общественной морали – прямые следствия экономического беспредела 1990-х годов.

Популярная в конце 1980-х годов сентенция И.А. Бродского – “мне вор милее крокодила” – уже к середине 1990-х годов утратила привлекательность: уж больно вор одолел. Люди внезапно обнаружили, в каком положении они оказались. Общество возжаждало “наведения порядка”. Вот почему Сталин как желанный символ снова возник в общественном сознании россиян.

Сущность процесса общественной реформации состоит в том, что общество, отказываясь от существующих политэкономических форм бытия, отрицая их смысл, неминуемо вступает в ситуацию кризиса. Анализируя природу и смысл общественных преобразований в своей лекции “Перемена и кризис” Хосе Ортега-и-Гассет заключает, что “при исторической перемене мир не просто модифицируется, его... сменяет такое жизненное состояние, когда человек оказывается без убеждений, а значит и без мира... Поэтому и сама перемена неизбежно возводится в ранг кризиса, обретая катастрофи-

⁸⁰ Кичин В. Мы перестали быть семьей. – Российская газета, 23.X.2003.

⁸¹ Гилинский Я. Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб, 1996, с. 77.

⁸² Комсомольская правда, 28.III.2002.

⁸³ Аргументы и факты, 2006, № 18, с. 5.

⁸⁴ Аргументы и факты, 2008, № 11, с. 6.

ческий характер. Прежний мир рухнул – в этом вся суть, ибо перемена начинается с отрицания”⁸⁵.

По-своему сегодня трактуется переход от одной общественной системы к другой теми, кто оправдывает реформы 1990-х годов. Оценка происшедших фундаментальных общественных преобразований этими людьми низводится на уровень рассуждений почти уже забытой советской коммуналки. “Вы говорите, что сейчас воруют, а разве раньше не воровали? а разве раньше не пьянствовали, а разве раньше не было наркоманов, а разве раньше не брали взятки?”. Их этика не в состоянии воспринимать масштаб тектонических сдвигов, происходящих в обществе, эти перемены они могут оценить только в плоскости бытовых разборок. На уровне – “сейчас воруют, но и тогда воровали”. Это уже не вызывает удивления, так как опускание социальных ориентиров общества до уровня физиологии – мировоззрение, восторжествовавшее в 1990-х годах.

Когда приводятся цифры “выигравших” от реформ 1990-х, то возникает вопрос: в чем все-таки выигрыш? Вряд ли будет правомерно ограничивать его количеством потребляемых материальных благ. Человеческие потребности на этом не заканчиваются. Для чего люди идут на кардинальные общественные преобразования? Ради чего они отказываются от сложившегося уклада жизни, ради чего готовы пожертвовать своей привычной повседневностью? В 1991 г. в России никто не умирал с голоду, но российское общество было готово пойти на жертвы, чтобы избавиться от неэффективной экономики, от засилья чиновников, от несправедливых судей, от морального лицемерия и лживых средств массовой информации, от унижительной бутафории выборов и от многих других мерзостей, и, конечно, же, в том числе, и от коррупции. Это был одновременно и стихийный, и сознательный выбор.

Реформы для того и необходимы, чтобы всех этих явлений было меньше. Но ведь стало в разы больше – факт, подвергающий сомнению саму и идею реформации, и деятельность реформаторов. Исследовавшая феномен российской коррупции проф. С.П. Глинка приходит к выводу, что в нынешней России коррупция стала механизмом формирования социально-политических групп поддержки режима, а разграбление средств государственного бюджета представителями этих групп является основным источником их личного обогащения⁸⁶. Нынешняя тотальная коррупция – всего лишь одна из многих эксклюзивных болезней, возникшей 19 лет назад общественной системы, но зато наиболее бросающаяся в глаза, широко обсуждаемая, и, что унижительно для России, создающая образ страны. Но дело не столько в самой коррупции, сколько в отношении к ней со стороны общества. Там, где господствует ее всеобщее осуждение, где это занятие вызывает у людей брезгливость, является постыдным, унижительным, там коррупция сведена к минимуму, загнана в моральную резервацию, и, следовательно, там она не представляет общественно значимой угрозы.

Да, коррупция существует во всех государствах. По-видимому, она есть даже и в Скандинавских странах, и в Финляндии, которые возглавляют список наименее коррумпированных государств. Тот самый список, который Россия вместе с африканскими странами замыкает. Точно так же как и случаи коррупции и другие нарушения закона были в процессе приватизации в постсоциалистических странах Европы. Но какова их доля – вот коренной вопрос?

Именно в соотношении правопорядка и уголовщины, в пропорциях честных чиновников и чиновников-преступников, в общественных ориентациях и установках руководителей государства, в состоянии общественной морали, в качестве и соблюдении “санитарных норм” заключается различие между здоровым и больным обществом.

По своим экономическим, социальным, культурным, интеллектуальным, нравственно-психологическим результатам реформы 1990-х годов привели нашу страну

⁸⁵ *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997, с. 295–296.

⁸⁶ *Глинка С.П.* Феномен коррупции: взгляд экономиста. – Новая и новейшая история, 2010, № 4, с. 14.

в очень тяжелое положение. “Как это не печально констатировать, – пишет академик О.Т. Богомолов, – но реформы в России сопровождались пагубным расстройством не только экономики, но всей системы общественных отношений”⁸⁷.

* * *

Разумеется, Россию реформы не погубили, как не погубили ее и все прошлые катаклизмы в ее истории. Наша страна после национальных трагедий вновь становилась сильной: и после Орды, и после гражданской войны, и после коллективизации, и после Великой Отечественной войны. Но цена потеря была огромна. В то время как передовые страны успешно развивались, шли вперед, мы останавливались в развитии, отставали. Очередной раз России придется догонять тех, кто ушел вперед, а теперь это уже и страны Юго-Восточной Азии, и даже некоторые арабские страны. Пока новая российская номенклатура “распихивала по карманам”, другие страны осуществляли модернизацию.

Для исправления нынешнего положения нужны решительные, кардинальные меры. Сейчас мы подходим к черте, отделяющей нашу страну от стран “третьего мира”. Это не только чудовищная коррупция, продажность чиновников, казнокрадство. Есть и многие другие признаки начавшегося в 1990-х годах цивилизационного отставания. Сочетание позорной бедности с бесстыдной роскошью точно так же является несомненным и очевидным показателем принадлежности к “третьему миру”. Сюда нужно добавить множество других показателей: от примитивизации производства до судебно-правового беспредела, от состояния здравоохранения до уровня преступности, от продолжительности жизни до состояния пенитенциарной системы, от структуры питания населения до загазованности выхлопными газами наших городов.

Сформированная в 1990-х годах российскими реформаторами экономическая модель стремительно набирала ход, раскручивался механизм корпоративного капитализма, который уже к началу 2000-х годов вышел на “проектную мощность”. Сложившиеся к тому времени условия объективно не позволяли, не только проводить демонтаж созданной реформаторами экономической модели, но даже критически его осмысливать. Этому способствовал “нефтяной бум” на мировом рынке, когда золотой дождь размывал в российском обществе реальные очертания происходящего. Разразившийся в конце 2008 г. финансово-экономический кризис создал новую ситуацию, обнажив, прежде всего, глубину происшедшей после реформ деиндустриализации страны. Но, главное, российское общество, пережившее посттравматический шок 1990-х годов, стало проявлять тревогу за будущее страны.

Сегодня осознание крайней черты все больше становится характерной чертой общественных настроений. В начале 1990-х годов началось стремительное отставание России от передовых государств. Точка невозврата уже где-то рядом. И общество это осознает. В нем начинает доминировать мысль об изменении курса, заявленного российскими реформаторами в 1990-х годах. Фундаментальный для России вопрос о том, превращаться ли ей дальше в сырьевой придаток мирового производства, или все-таки занять подобающее место среди передовых государств, является все более частым предметом обсуждения в обществе.

⁸⁷ Богомолов О.Т. Нуждается ли рынок в нравственности? Взаимодействие экономики. Политики, культуры и морали в переходных обществах. Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М., 2006, с. 17.